

БОНДАРЕНКО ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА,
ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

ОБРАЗЫ РОДИНЫ, СГЕНЕРИРОВАННЫЕ НЕЙРОСЕТЬЮ

В статье рассматривается новый феномен сгенерированных нейросетью антропоморфных образов русских городов. Классифицируются персонификации первой волны в стиле героического фэнтези и готического стимпанка; персонажи второй волны более приземлены, это наши современники, «парни с соседнего двора». Делается вывод, что генерируемые нейросетью образы топонимов и гидронимов прошли эволюцию от мифологических божественных существей (*genius loci*), покровительствующих своим локациям, до изображений подчеркнута скромных, «обычных» автохтонов, лишённых магической силы, воинской доблести, роскоши и богатства.

Ключевые слова: образ города, образ Родины, нейросеть, идентичность.

Keywords: image of the city, image of the motherland, neural network, identity.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и РЯИК № 21-512-23004.

Статья, написанная при поддержке гранта РФФИ «Архитектурный образ Родины», является результатом промежуточного этапа работы над магистерским исследованием, посвящённого поискам региональной идентичности. Цель статьи — проанализировать образы русских дальневосточных городов, в том числе Хабаровска, созданные нейросетью Midjourney в феврале – марте 2023 года.

Всё нарастающая лавина «хуманизированной» (очеловеченной) нейросетью географии требует осмысления. Нижеследующие умозаключения — предложение к дискуссии: надеемся, что хабаровчанам и — шире — дальневосточникам небезразлично, как видит их город искусственный интеллект (ИИ), какой визуальный образ закрепляется в коллективном подсознании и ещё долго будет ассоциироваться с топонимами «Владивосток», «Южно-Сахалинск», «Уссурийск», «Петропавловск-Камчатский», «Благовещенск», «Чита», «Хабаровск». Жители материковой России, никогда не бывавшие на Дальнем Востоке, внезапно получили мнемогеничные (надолго остающиеся в памяти) образы наших городов, заряженные мощным эмоциональным посылом, изменить это первое, наиболее яркое, впечатление будет непросто. С другой стороны, дальневосточники узнали, как наш регион видят условные «столичные блогеры», задающие параметры нейросетям, что тоже является ценным опытом самосознания. Из-за неясной ситуации с авторскими правами на изображения, мы не приводим иллюстраций, но любой читатель мгновенно найдёт все упоминаемые локации, вбив в поисковую строку «нейросеть рисует русские города/реки».

Нейросеть Midjourney рисует русские города

Автор телеграм-канала «Нейросеть видит» москвич Кирилл Соловьёв (известный под ником Кир Sol) в середине февраля 2023 года выложил в открытый доступ 22 «хуманизированных» образа русских городов, сгенерированных нейросетью Midjourney в рамках проекта «Россия глазами нейросети». Вероятно, совсем скоро первое чувство удивления забудется, и визуализация нейросетью самых абстрактных запросов станет обыденностью, но на момент работы над статьёй (середина марта 2023 г.) галерея образов, генерируемая искусственным интеллектом, вызывает горячее обсуждение: кого-то персонажи, символизирующие русские города, приводят в восхищение, у кого-то вызывают отторжение за излишнюю готичность. Самый распространённый упрёк — то, что русские православные города были представлены в образах героев фэнтези и оборотней, но, с другой стороны, этот проект адресован прежде всего молодому поколению, выросшему на «Игре престолов» и компьютерных играх с фэнтезийным сеттингом, поэтому в персонификациях русских городов молодые зрители сразу узнают привычные им ролевые модели, в то время

как поколение постарше считает отсылки к героическим и трагичным образам Ильи Глазунова и Константина Васильева, пытавшихся на исходе советской власти запустить в массовую культуру образы потерянной «заветной Руси».

Попытка типологии

Города России визуализированы нейросетью в женском и мужском облики, что определено родом топонимов. Большинство городов олицетворены взрослыми персонажами, некоторые, заложенные в начале – первой половине XX века, — трогательными большеглазыми детьми (Новосибирск, Магадан, Норильск, Биробиджан, Воркута). Особенно выразителен Новосибирск. Этот юный (8–10 лет) князь в плаще с волчьей опушкой и с острыми (эльфийскими) ушами стоит на фоне мёртвой зимней чащи. Однако мальчик не выглядит напуганным — его голубые глаза смотрят открыто и бесстрашно, твёрдый подбородок и высокий лоб свидетельствуют о «хорошей породе», мы верим, что он справится с высокой миссией столицы Сибири и не дрогнет перед эсхатологическими вызовами. По опросам, именно Новосибирск вызывает наибольшую симпатию и надежду.

Более взрослые мужские персонажи условно можно разделить на несколько категорий по роду деятельности:

- князья: Владимир, Великий Новгород, Белгород с орлом, Брянск;
- бояре: Архангельск;
- воины: наголо бритый Орёл в дорогих доспехах на фоне разгорающегося над деревянными башнями зарева и такой же — наголо бритый — Ставрополь; Улан-Удэ с причёской самурая, во френче с орденами на фоне многоярусных пагод; благородные витязи Волгоград и Майкоп;
- инженеры/офицеры: Санкт-Петербург, Челябинск, Томск. Персонажи этой категории — мужчины средних лет с уверенным взглядом, одетые в шинели, которые можно трактовать и как форменные кителя;
- учёные-изобретатели: Красноярск, Тобольск, Липецк в авиаторных очках, Сыктывкар;
- мастеровые: Киров, атлетический Екатеринбург, Нижний Тагил, Донецк в шахтёрской каске и с розой в руке, Луганск;
- капитаны: Мурманск, молодой брюнет с близко посаженными глазами, в чёрном кителе и овчинном полушубке, украшенном серебряными геральдическими знаками, стоит на фоне полярного моря, из которого поднимаются зыбкие силуэты городов-дредноутов, оцетинившихся башнями, шпилями и антеннами; Петрозаводск в форменной шинели и фуражке, с дымящими парходами за спиной; молодой романтичный Южно-Сахалинск; Севастополь, Петропавловск-Камчатский, Симферополь (хотя этот колоритный персонаж больше похож на контрабандиста);

– горожане-интеллигенты: худой, измождённый Ульяновск, явно учительского вида, со стопкой старых книг в сафьяновых переплётах на фоне улицы, слабо освещённой газовым фонарём и тревожной холодной зарёй; Курск, Сочи, Ижевск в цилиндре, Оренбург;

– схимники, иерархи: молодой Череповец в пенсне и тяжёлой, затканной золотом рясе; пожилой, измождённый Смоленск, похожий на фанатика;

– волхвы/шаманы: Сургут, Ханты-Мансийск;

– купцы: Нижний Новгород в камзоле с опушкой и высокой тиаре; Калининград в образе молодого, но одутловатого ганзейского купца; седой зоркоглазый Псков с длинной «викинговской» косичкой, с высокой пивной кружкой в левой руке; Ростов-на-Дону, Саранск, Ярославль, Иркутск, Хабаровск и Краснодар.

Отдельную, трудно идентифицируемую категорию представляют мрачноватые, но притягательные персонажи неопределённых занятий («девианты»). Это прежде всего Воронеж (угрожающего вида бородатый мужчина лет 35–40 в медвежьей шубе на фоне полыхающих руин, в его глазах — отблески пожара, и по всему видно, что он готов к последней, смертельной, схватке), молодой, опасный Тамбов, похожий на беглого каторжника — в живописных обносках на фоне не менее живописного пугающего пейзажа — елей и странного деревянного сооружения, мгновенно вызывающего в памяти строки из одной из лучших песен В. С. Высоцкого: «Что за дом притих, не добром пропах, на семи лихих, продувных ветрах»; растрёпанный, исцарапанный Саратов на фоне грозных туч и покосившихся деревянных изб; совершенно апокалиптический Омск с кружащими воронами; Якутск и Владивосток, к которому вернёмся чуть позже.

Женские образы более поверхностны и комплиментарны, практически все они (кроме жёсткой Тюмени) — молодые, цветущие красавицы. Нейросеть предлагает женским манифестациям русских городов несколько дефиниций:

– царицы/княгини: Москва, Казань, Пермь, Самара, Пенза, Тула, Вологда, Анапа, Астрахань, Феодосия, Махачкала, Калуга. Они украшены тяжёлыми массивными украшениями, их головы увенчаны высокими головными уборами, синтезирующими кокошники и диадемы, фоном служат высокие теремные башни и колокольни; в образе Казани используются этнические мотивы, Тула в высокой железной короне сжимает в руке скипетр-алебарду, юная рыжеволосая Ладога в серебряной диадеме держит в руке скипетр-копье;

– защитницы (Паллады): Тверь — прекрасная молодая девушка в латах и шлеме на фоне развевающегося стяга, юная Рязань, Чита, Йошкар-Ола;

– хозяйки: седая Тюмень и юная Уфа с лисичкой за пазухой, Сызрань с коровой;

– интеллигентные девушки: Тольятти с виолончелью;

– невесты: Иваново, Элиста, Кострома.

Самая старшая — Тюмень, самая младшая — девочка Воркута, которую оберегает огромный северный олень.

Дальневосточные города

Владивосток — очень сильный и запоминающийся персонаж из «лихих 90-х». Взъерошенный, глядящий исподлобья, Владивосток в кожанке, цепях и шипованных браслетах отсылает к каноническому образу вампира, рокера и боевика ОПГ. Однако этот образ настолько романтичен и преисполнен мрачной энергии, что завоевал популярность среди молодёжи. Мы опросили несколько студенческих групп 2–4 курсов в Тихоокеанском государственном университете и Дальневосточном государственном университете путей сообщения: Владивосток всем нравится, вызывает интерес и уважение. Так же вызывают симпатию и «желание подружиться» Южно-Сахалинск (молодой романтичный красавец, одетый в мундир то ли морского офицера, то ли инженера и напоминающий хорошо знакомых молодому поколению героев аниме) и Петропавловск-Камчатский на фоне русских шлюпов в Авачинской бухте. К сожалению, этого нельзя сказать о персонификации Хабаровска. Более того, по опросам наших респондентов, Хабаровск вызывает наименьшую симпатию из всей галереи (хуже только Краснодар, представленный в виде обрюзгшего Бахуса). Наш город персонифицирован в отталкивающем образе толстого жуликоватого купчины, что называется, себе на уме, с прищуренными маленькими глазками. Если визуализация Иркутска в виде дородного купца в шубе до пят имеет историческое обоснование — Иркутск, основанный раньше Петербурга, действительно был важнейшим центром сибирской торговли, и иркутские купеческие дома контролировали всю Сибирь до Алтая и Дальний Восток (Торговый дом Чурина строил свои роскошные универмаги в Благовещенске, Владивостоке и Харбине), то Хабаровск изначально был форпостом, основанным казачьим батальоном и получившим развитие в качестве важнейшего железнодорожного узла (городской статус Хабаровска связан со строительством моста через Амур). Однако этот железнодорожно-гарнизонно-административный бэкграунд Хабаровска никак не соотносится с его злобной персонификацией, что заставляет всерьёз задуматься над имиджем нашего города. Что побудило графического дизайнера задать нейросети именно такие параметры? Что не так с идентичностью Хабаровска? Почему вместо железнодорожного инженера, капитана речного парохода или офицера-первопроходца нейросеть сгенерировала хищного, вороватого кулака?

Вторая волна:

отказ от героического фэнтези

Проект «Россия глазами нейросети» вызвал множество подражаний, и к сегодняшнему дню десятки, если не сотни,

провинциальных дизайнеров «хуманизируют» населённые пункты своих губерний, округов и уездов, горы, реки и прочие географические локации. Так как нейросети стремительно обучаются, были учтены сомнительные вводные первого этапа, и появляющиеся персонификации русской провинции второй волны выглядят более реалистично. Если большинство февральских образов поражали воображение романтической, подчёркнуто сексуальной модельной внешностью, роскошными нарядами и фантастической атрибутикой, персонификации второй, мартовской, волны имеют более реалистичные черты, лишены героического ореола и одеты в тулупы, козоворотки и ситцевые платья конца XIX – первой половины XX века. Интересно отметить, что «хуманизация» первого, февральского, этапа представляла русские города в образах князей, витязей и бояр, а в марте нейросети визуализируют топонимы и гидронимы в обличье нижнего среднего класса: русские города теперь не сказочные княгини и витязи, а хорошо узнаваемые и практически не меняющие свой габитус жители посадов, рабочих слободок и стагнирующих монопоселений.

4 марта в Сеть был выложен цикл «Реки России», где все реки по алфавиту «хуманизированы» в образе девочек-подростков (симпатичной, но далеко не модельной внешности), одетых в простую, обычную одежду (часто с локальными этническими мотивами, что подчёркивает разнообразие населяющих страну народов и национальностей), на фоне более или менее реалистичных пейзажей, отражающих природно-климатические особенности местностей. Следует отметить, что в феврале, на волне первого оглушительного успеха проекта «Россия глазами нейросети», появились персонификации Ангары и Байкала, сделанные иркутским художником, где гидронимы представлены в стиле магических существ из «Пиратов Карибского моря». Интересно сравнить два образа Ангары — в виде наяды с «восточной», условно «ламаистской» атрибутикой и в виде приятной, кроткой девушки славянской внешности.

15 марта в Сети появился цикл персонификаций приморских городов: Владивостока, Арсеньева, Большого Камня, Лучегорска, Уссурийска, Дальнегорска, Спасска-Дальнего, которые представлены в виде молодых (18–25 лет), социально ответственных парней, а Находка — в образе румяной

темноглазой дивчины в штормовке. Сравнивая два образа Владивостока, мы видим совершенно разных персонажей: вместо деструктивного готического оборотня появился оптимистичный комсомолец в чистой футболке. Да и вся серия отличается программным настроением на позитив. Заметно, что генерируемые нейросетью образы топонимов и гидронимов прошли эволюцию от создания мифологических божественных существ (genius loci), покровительствующих своим локациям, до изображений подчёркнуто скромных, «обычных» автохтонов, лишённых магической силы, воинской доблести, роскоши и богатства. Конечно, хтонические мощные образы антропоморфных божеств — защитников и покровителей наших городов — сильнее воздействуют на коллективное бессознательное, обращаясь к базовым архетипам, но если спуститься ещё глубже — в реликтовые слои, коллективное бессознательное столкнётся с тотемными животными и небиологическими существами.

Следует признать, что антропоморфные образы локаций гораздо больше способствуют росту регионального патриотизма, чем геральдическая фауна, доставшаяся нам от екатерининских времён, или глубоко чуждый простому обывателю символизм Коминтерна. Молодому дальневосточнику проще воспринимать как ролевую модель и персонификацию малой родины человеческий образ, а не гималайского медведя или уссурийского тигра.

Заключение

Искусственный интеллект развивается так стремительно, что к июню 2023 года, когда этот текст дойдёт до рецензентов и читателей, многие будут пребывать в недоумении — написан ли он живыми, реально существующими авторами или сгенерирован самообучающимися нейросетями, ведь для того, чтобы находить, классифицировать и анализировать информацию, достаточно овладеть элементарными алгоритмами. Всё идёт к тому, что нейросети станут смыслообразующими агрегаторами, формирующими наше мировоззрение, поэтому так важен и интересен первый (и в целом более чем успешный) опыт массового взаимодействия с интеллектуальным продуктом нового поколения.

Список использованных источников

1. Иванова, А. П. От «говорящей архитектуры» к монументальной пропаганде: символические пласты Петербурга и Будапешта (конец XIX – середина XX века) / А. П. Иванова. — DOI:

10.47055/1990-4126-2022-4(80)-17. — Текст : электронный // Архитектон : известия вузов. — 2022. — № 4 (80). — URL: http://archvuz.ru/2022_4/17/.

Материал поступил в редакцию 16.03.2023.

Сведения об авторах:

Бондаренко Валерия Геннадьевна, магистр кафедры «Дизайн архитектурной среды» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: bondarenko.valeria.g@gmail.com; тел. 8-914-316-46-22.

Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: 004249@pnu.edu.ru; тел. 8-962-500-05-97.